

Донбасс на экране.
О двух разных фильмах
стр. 15

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Гамбург—Средняя Олёкма.
Как любовь завела в Сибирь
стр. 16

Декабрь 2018

№4 (8)

Под подозрением.
Что делают германские фонды
в России

стр. 3

Историки поверх политики.
Диалог Чубарьян—Млечин

стр. 8

Нелюбимая дата.
100 лет немецкой революции

стр. 11

Ни слова.
Когда журналисты
не хотят разговаривать

стр. 9

ОБОРОНА

Как Трамп и «Брексит» помогли единой армии Европы

Европа медленно и осторожно движется к созданию единой армии.
Как происходит это движение, зачем и против кого нужно объединять военных?
Об этом для «Д» рассказывает Йоханнес Ляйтхойзер.

Похоже, Ангела Меркель все же готова поддержать инициативу своего французского коллеги Эммануэля Макрона. В середине ноября в Европарламенте она заявила: «Рано или поздно мы должны будем создать настоящую европейскую армию». Пока этого не произошло, решающую роль в европейской оборонной политике сможет играть инструмент, получивший название PESCO — «Постоянное структурированное сотрудничество» (Permanent Structured Cooperation).

Девять месяцев назад большинство государств Евросоюза сделали самый большой за всю историю ЕС шаг к созданию общеевропейской армии. Впрочем, речь идет не о каком-то знаменитом решении: не появилась ни единой военной формы, ни единообразия в оружии и технике, ни даже общего верховного командования. Зато теперь есть правила, открывающие дорогу

Йоханнес Ляйтхойзер

для взаимодействия отдельных европейских государств в формировании определенных военных структур и выработке компетенций.

Такой пример: по предложению итальянцев специалисты из вооруженных сил ряда европейских государств уже конструируют новую бронемашину пехоты. А по инициативе Германии еще шесть стран ЕС участвуют в создании Европейского медицинского командования (European Medical Command), которое сможет координировать и обеспечивать медицинское сопровождение всех военных операций ЕС, допустим, в Африке. До сих пор каждый член альянса, участвующий в таких операциях, вынужден самостоятельно достигать соответствующих договоренностей и оформлять их.

Около десяти месяцев назад европейские министры обороны договорились о 17 подобных совместных проектах, количество которых планируется постепенно наращивать.

>> стр. 4

ЭКСПЕРТИЗА

«Мы не миссионеры»

На фоне ухудшения экономических перспектив немецкие общественно-политические фонды, несмотря на политический кризис, продолжают свою работу.

Корреспондент «Д» Галина Дудина пообщалась с их представителями, чтобы узнать, чем и для чего они занимаются в России.

«Сокровища, которыми можно гордиться»

Дощатый пол, белые крашенные стены с постерами и плакатами, обширная библиотека — такое ощущение, будто ты в гостях в Берлине, а не в центре Москвы. Так выглядит офис московского филиала Фонда имени Фридриха Наумана. Про фонд, появившийся в послевоенной Германии и названный в честь пастора и литератора Наумана, принято говорить: близок к либералам из Свободной демократической партии Германии (СвДП). Юлиус фон Фрайтаг-Лорингофен, руководитель московского бюро и один из семи его сотрудников, тоже член СвДП, хотя это и необязательное требование.

«Мы представляем не интересы немецкого государства, а интересы части немецкого общества, — объясняет он

Галина Дудина

мне. — Если посольство и Гёте-институт — это официальные структуры, то мы — часть политической системы страны, как социал-демократы, христианские демократы или левые».

Первая общественно-политическая околупартийная организация появилась при Социал-демократической партии Германии еще в 1925 году, а в послевоенной Германии подобные Stiftungen — фонды — сформировались при всех политических партиях. Все они были названы в честь видных партийных деятелей или идеологов. Так, интересы консервативного Христианско-демократического союза (ХДС) представляет Фонд имени Конрада Аденауэра. Баварский партнер ХДС Христианско-социальный союз, связан с Фондом имени Ханса Зайделя.

>> стр. 3

МНЕНИЕ

Музыка бряцанья оружием

Если ядерное сдерживание есть форма холодной войны, значит, холодная война возобновилась?

Ответ на этот вопрос ищет Петер Кепф.

Более 58 лет назад, когда Европа была разделена на два лагеря, а трансатлантический альянс казался неизбежным, Джон Ф. Кеннеди заявил: «Все мы — каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок — живем под ядерным дамокловым мечом, висящим на тончайшем волоске. И этот волосок в любой момент может быть перерезан — случайно, в результате просчета либо в силу идиотизма. Оружие войны должно быть уничтожено раньше, чем оно успеет уничтожить всех нас».

И правда, Советский Союз и США за десятилетия холодной войны сумели достигнуть соглашений о контроле над вооружениями и их ограничении, прежде всего в ядерной сфере, в итоге приведших даже к частичному разоружению. «Холодный мир», который зиждился на «балансе устрашения», продержался вплоть до 1990 года. В Европе больше нет железного занавеса. Отношения между США и государствами, образующими ядро Евросо-

Петер Кепф

юза, пошатнулись — в частности, из-за того, что президент Трамп невысоко ценит принцип *pacis sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Он вышел из соглашений, подписание которых состоялось во многом усилиями ЕС, таких как Парижское соглашение по климату или ядерное с Ираном. Россия уже давно снова стала значимым игроком, который вновь расширяет сферу своего влияния, вмешивается в конфликты по всему миру и готов устрашать ядерным оружием. Китай вооружается не только в экономическом, но и в военном плане. Есть и другие лидеры государств, которые делают ставку на конфронтацию и имеют ядерные амбиции.

Так что же — страх вернулся? Мы уже живем в условиях новой холодной войны?

Можно вспомнить: в городах Германии 80 тыс. сирен дважды в год «репетировали» сигнал воздушной, ядерной, биологической и химической атак.

>> стр. 2

ПАРТНЕРЫ

Договариваться пока не поздно

XX век должен научить русских и немцев договариваться хотя бы по тем вопросам, где нет очевидных противоречий.

Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ, вспоминает Гёте, Наполеона, Вилли Брандта и Эгона Бара.

Более 200 лет назад в Эрфурте был знаменитый конгресс. На нем Наполеон встречался с Александром I и между прочим там же встретился с Гёте. Беседовали они о литературе, естественно, об искусстве и в какой-то момент затронули трагедию рока — трагедию судьбы. Наполеон в сердцах сказал Гёте: «О чем можно говорить, о какой трагедии судьбы можно говорить? Политика — вот судьба! Политика — вот это и есть рок!» Гёте, если верить его запискам, это суждение не понравилось.

Прошло больше 200 лет, и мы все время сталкиваемся с тем, что Наполеон был в какой-то степени прав... И не стоит думать, что Гёте к Наполеону относился плохо. Наоборот, он считал, что «Наполеон — это квинтэссенция человечества». Почему великому писателю тогда не понравилась мысль его кумира о политике и судьбе? Я думаю, он был слишком немцем для того, чтобы рок — великую мощь человеческого бытия и космоса — свести к какой-то, в общем, политике. Но мы в XXI веке оказались свидетелями того, как политика может диктовать экономике. И диктовать абсолютно жестко, абсолютно беспощадно, не принимая в расчет интересы ни крупного, ни мелкого бизнеса.

После 2014 года Германия перестала быть нашим крупнейшим экономическим партнером. У нас был товарооборот порядка €100 млрд! И он постоянно увеличивался. И вдруг он рухнул. Сейчас мы говорим о том, что в прошлом году было 20% роста и это большая победа. Сегодня говорят о том, что в первом полугодии рост этого показателя 28%. Но мы прекрасно понимаем, что тут очень много зависит от цен на энергоносители: цена на энергоносители повысилась, товарооборот увеличился. Нет никакого качественного изменения в структуре нашего товарооборота.

Совершенно очевидно, что сегодня для того, чтобы продолжать быть добрыми соседями и торговыми партнерами, мы должны признать несколько вещей. Немцы будут называть то, что произошло с Крымом, аннексией. Мы будем говорить о том, что Крым воссоединился с Россией. И это очевидная вещь. Мы будем в принципе очень снисходительно смотреть на то, что происходит на востоке Украины, потому что мы полагаем: целостность Украины, безусловно, существенная ценность для всей европейской политики. Это правда. Но пути достижения мира на востоке Украины мы будем рассматривать по-разному. И это реальность, которая сегодня существует.

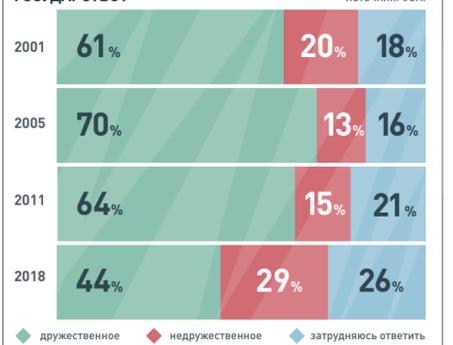
Нам же могут какие-то вещи казаться в германском контексте сложными. Все, что связано, например, с гипертонантностью немецкого общества в отношении меньшинств или уже «большинства»... Я не знаю, как это называть, но мы прекрасно понимаем, что для Германии это очень чувствительный вопрос. Потому что было нацистское прошлое, и отношение к либеральной толерантной идеи в обществе — это очень важная ценность для немцев. И это мы должны уважать и понимать, иначе мы никогда не сможем вообще вести никакой диалог. Так же, как и вы должны понимать, что у нас есть свои определенные ценности, которых мы придерживаемся. Хорошие они, плохие — я сейчас это не обсуждаю. Они по понятным причинам несколько отличаются от тех, которые сегодня в немецком обществе существуют. Если мы признаем это, то не будем так остро реагировать на определенную критику с немецкой стороны, а немцы не будут обижаться на нашу.

Но настолько все, повторю, политизировано, настолько все нервно, настолько все остро, и каждый момент отражается на отношениях немцев с русскими, что это зона взаимного понимания — именно то, что может сделать «Петербургский диалог» сегодня. Нельзя переступить грань уважения друг к другу.

>> стр. 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ГЕРМАНИЯ — ЭТО ДРУЖЕСТВЕННОЕ ИЛИ НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ ГОСУДАРСТВО?

ИСТОЧНИК: ФОМ.

◆ дружественное ◆ недружественное ◆ затрудняюсь ответить